

ПАН ПРОФЕССОР С ЛЕНИНСКОГО ПРОСПЕКТА
Или мой дед, каким я его помню и люблю

Этот очерк написан Петром Черёмушкиным, внуком профессора В.Л.Кретовича, в 2004 году с учётом интересов российской аудитории и событий последнего времени.
П.Черёмушкин — журналист.

Передо мной разбросаны фотографии: старые, пожелтевшие и более современные — цветные. На них мой дед. Молодой, каким я его никогда не видел. В смешной фуражке на коллективном снимке выпускников Ялтинской гимназии. Грустный и худой — фотография 20-х годов XX века отлеплена с какого-то удостоверения, возможно, со студенческого билета Московского университета. Жизнерадостный и веселый — играет в чехарду с университетскими друзьями. На переднем плане согнул колено, чтобы подставить спину для прыжка следующего — молодой Андрей Николаевич Белозерский, именем которого теперь названа лаборатория МГУ. Кому-то из них суждено погибнуть на фронтах Второй мировой, кому-то сгинуть в лагерях, кому-то, наоборот, выйти из лагеря и продолжить заниматься наукой. На большой парадной фотографии с церемонии вручения орденов в Кремле дед стоит в большой группе академиков — во втором ряду, рядом с со своим другом Евгением Николаевичем Мишустинным. В первом ряду на снимке Нобелевский лауреат, изобретатель лазера Александр Михайлович Прохоров. В последнем ряду молодые Примаков, Сагдеев, Аганбегян, Петраков. На другой цветной фотографии дед уже очень старый — стоит в саду на даче, в синей куртке, опирается на палку. Перед ним цветет любимый клематис, который был предметом трепетного ухода на протяжении нескольких лет. Вокруг летняя листва, розы, крыльцо, на котором столько было споров о Горбачеве и Ельцине, Сталине и Хрущеве, столько воспоминаний, рассказов... Вот еще фотографии: дед доволен, хотя выглядит совсем стариком. Он в мантии и в шапочке почетного доктора. Его окружают польские профессора-биохимики. Это Познань — сюда после Второй мировой войны переселили поляков, живших в Белоруссии и в Литве, на Виленщине. Они такие же крестьянские дети, как и дед. На снимках видно, что у деда и у поляков словно по одному лекалу сделаны затылки, подбородки и носы. Эти заметные наметанному глазу антропологические признаки делают похожими и Эдварда Герек и Кароля Войтылу, потому что они одной национальности. Они поляки.

В конце 60-х — начале 70-х годов в Москве возникла мода на Польшу. Интеллигенция искала и находила в польских газетах и журналах, которые тогда свободно продавались в киосках, подтверждения своим сомнениям в

отношении режима, а люди по-практичнее ехали в Польшу за хорошей кожаной галантереей. Во всяком случае для обеих категорий граждан Польша стала окном на Запад. Были популярны польские эстрадные певицы — Анна Герман, Эдита Пьеха. По Москве бродили польские студенты и аспиранты, которым учёба в СССР открывала новые ступени для карьерного роста в своей стране. В это время появляется телевизионная передача «Кабачок 13 стульев», стилизованная под польское кабаре-шоу. В нём выступают популярные артисты театра Сатиры. Среди персонажей пан Ведущий, пани Моника, пан Спортсмен, пан Таксист и пан Профессор в исполнении Бориса Рунге — непрактичный, нескладный, иными словами, не от мира сего, но по замыслу авторов программы, типичный польский учёный. Совершенно не похожим на этого комического персонажа был мой дед Вацлав Леонович Кретович — тоже пан профессор, хотя по большей части он отзывался на обращение «товарищ». Советское выражение «братская Польша» он воспринимал со всей серьёзностью.

О том, что мой дед поляк, я узнал лет в пять, когда заинтересовался, почему он читает написанную латиницей газету «Трибуна люду» и краковский еженедельник «Пшекруй» — лет двадцать назад столь популярный среди зарубежных поляков. Со своим братом, дядей Эдиком, он разговаривает на странном языке, напоминающем исковерканный русский. Бабушка называет деда — Вацек. Больше ни у кого вокруг нет деда с таким странным именем — это я знаю точно. Впрочем, это не единственное, что отличает моего деда от других. Ему звонят по телефону и спрашивают совета, ему приходят поздравительные открытки и приглашения на всякие торжественные заседания. С дедом иногда почтительно здороваются на улице, ведь наша квартира на Ленинском проспекте, где живут в основном сотрудники Академии наук СССР. Но чаще всего я вспоминаю деда за работой, склонившимся над бумагами. Летом, на даче, в субботу или в воскресенье он что-то пишет, переделывает. Лёжа на диване тихо проговаривает свои лекции, чуть шевеля губами. Таким я помню его в 70-е годы, когда моему дедушке было за семьдесят.

Каждое утро он встает раньше всех в квартире и готовится идти в институт, всегда в одно и то же время. Очень раздражается, когда что-нибудь мешает его раз и навсегда установившемуся расписанию. В среду он едет на машине с водителем в пищевой институт, где преподает уже десятки лет. (Точнее говоря, тридцать лет возглавлял он кафедру биохимии и зерноведения Московского пищевого института). Мой дед Вацлав Кретович (Waclaw Kretowicz) — (1907—1993) — член-корреспондент Академии наук СССР, заместитель директора института биохимии АН СССР. В 1972 году учебник «Основы биохимии растений», написанный дедом, получил Государственную премию СССР. Сейчас, когда я оказываюсь на Западе и встречаю русских биологов, коих так много разбросано по белу свету, они вспоминают как сдавали экзамен по биохимии «по Кретовичу». В Швейцарии и Великобритании, не говоря уже о США, меня встречают старые коллеги деда, его ученики, бывшие аспиранты. Одна моя знакомая

выпускница химфака МГУ, которая теперь работает на крупную западную компанию, как-то сказала: чтобы заниматься той областью науки, которой занимался мой дед, недостаточно просто способностей и научного таланта — нужно быть еще более талантливым и «въедливым», чем те, у кого есть научные способности и талант. Пишу об этом без ложной скромности, потому что знаю — мне это не дано.

Однажды, в начале 80-х, дед решил взять меня с собой на торжественное собрание, посвященное вручению переходящего красного знамени Институту биоорганической химии имени М.М.Шемякина. (Были тогда такие мероприятия). Дед прямо сказал: «Хочу, чтобы ты увидел всех знаменитостей нашей науки». Собрание проходило в кинотеатре «Октябрь», ныне ставшим жертвой «спора хозяйствующих субъектов» и временно пребывающим в запустении. Но тогда в фойе торговали вкусными пирожками и пирожными, наливали чай, а в президиуме сидели столпы советской науки: академики В.А.Котельников, Ю.А.Овчинников, А.А.Баев. Были также некоторые секретари ЦК КПСС, министры — уже не помню какие. Выступал президент академии Анатолий Петрович Александров. Меня тогда удивило, как по домашнему всё это происходило. Несмотря на наличие президиума все вели себя как старые знакомые, общающиеся между собой едва ли не каждый день. Очень хорошо помню, как А.П.Александров почему-то с трибуны произнес нечто не имеющее прямого отношения к происходящему: «Мы сказали Алексею Николаевичу (Косыгину. Прим авт.), что запасов нефти едва хватит к началу 21 века, поэтому нужно продвигать и развивать атомную энергетику». До Чернобыля оставалось чуть меньше пяти лет.

Когда встал вопрос о выборе моей специальности, дед не строил иллюзий насчёт того, что из меня выйдет биохимик. Он видел мою склонность к изобразительному искусству, тем более, что другие мужчины в доме были художниками — и мой отец Герман Черёмушкин, теперь уже Заслуженный художник, лауреат и профессор, и брат бабушки Азарий Коджак — представитель так называемой «тихой графики» 60-х. И брат бабушки, и отец имели различные взгляды на искусство и принадлежали к разным школам. К тому же по характеру они очень отличались друг от друга. Азарий, ученик Фаворского, в воспитании художника отдавал предпочтение более мягким методам, чем отец — выпускник Строгановки конца 50-х, классический соцреалист и, можно сказать, представитель «сурового стиля» 60-х. Дед наблюдал за художниками в своем доме без восторга.

Он также не приветствовал мои скульптурные и живописные эскизы. Он считал, что искусством можно содержать себя лишь имея волчий характер (коим я не обладал) иначе придется бедствовать. К тому же, говорил он, следует профессионально заниматься искусством только, если умеешь рисовать как Дюрер. Поэтому он всячески заставлял меня заниматься иностранными языками, а в качестве хобби приветствовал увлечение фотографией. В конечном счёте именно этим я и стал зарабатывать на жизнь.

То, что Вацлав Леонович уделял огромное внимание изучению иностранных языков, помнят и все его сотрудники, и конечно же я, которого он волей или неволей пытался приохотить к чтению англоязычных изданий, к разговорному английскому. Сам же он, естественно, читал научную литературу в оригинале и по-немецки и по-французски.

Французскому языку особое предпочтение отдавала бабушка, крымская караимка, Анна Фёдоровна (Юфудовна) Коджак. Она любила Анри Труайя, книги которого появлялись в Москве тогда только по-французски, любила французских поэтов и художников-импрессионистов, а особенно Сезанна и Матисса. У изголовья её кровати всегда лежала книжка на французском языке. Из современных художников бабушка с дедом больше всего ценили Мартироса Сарьяна, как известно, весьма отмеченного влиянием французского искусства. Они знали Сарьяна лично. Дед всегда вспоминал, как художник, уже старым человеком, гулял по парку санатория Академии наук «Узкое» и собственноручно собирал всякие бумажки и мусор, словно считал своим долгом исправлять чужую неаккуратность.

Чаще всего наше общение с дедом происходило на даче в Ново-Дарьино, в академическом посёлке на Первом Успенском шоссе между станцией Перхушково и Николиной Горой, куда он ездил и летом и даже зимой, после того как в 70-е годы туда провели природный газ и центральное отопление. На втором этаже у него был кабинет, где в большом количестве собирались американские журналы «Scientific American», в которых меня не столько интересовали научные статьи, сколько рекламы иностранных автомобилей, бывшие в то время диковинкой. На даче часто общались с соседями, особенно с Евгением Николаевичем Мишустинным (выдающийся советский микробиолог, академик, Герой социалистического труда. Прим.авт.), который приходил к деду и они вместе слушали западные радиоголоса, обсуждали последние политические события. Стук палочки Евгения Николаевича был слышен по дорожке, а дед высматривал через забор не идет ли его любимый Миколаич (как мы сокращенно называли Мишустина). Евгений Николаевич появлялся и говорил: «Ну, что Вацлѐнч, послушаем, что они там бибисикают?». Помню, тема, интересовавшая их больше всего, были объемы закупок Советским Союзом зерна, прежде всего в Канаде. Неизменным предметом обсуждения были две противоположные личности советской науки — Сахаров и Лысенко. Иногда они в очень небольших дозах пили португальский портвейн или херес и закусывали бабушкиным пирогом.

Вместе с Евгением Николаевичем дед объездил много стран. в том числе США, Испанию, Великобританию. Они даже побывали в далёкой Новой Зеландии. Их объединяли научные интересы и совместная борьба с представителями лженауки, часто пользовавшейся поддержкой партийных властей. Соблазн малыми средствами накормить народ, испытывавший постоянный дефицит в продуктах питания, искушал советскую власть со времен Лысенко. Поэтому время от времени отдельные партийные

руководители поощряли завиральные идеи или гипотезы вроде той, что человек может усваивать азот прямо из воздуха, а поэтому ему не нужно колбасы. Но в 70-е годы голоса здравого смысла было не так легко заткнуть, как во времена «великого вождя» и во времена Никиты.

И Евгений Николаевич, и дед пытались противостоять идеям, с их точки зрения несовместимым с наукой и бросали на это весь свой авторитет. Мировоззрение и взгляды Вацлава Леоновича Кретовича в чем-то очень напоминали то, о чем сейчас говорит Нобелевский лауреат 2003 года по физике Виталий Лазаревич Гинзбург, наш сосед по Ново-Дарьино. Незадолго до смерти дед набросал черновик своего письма на телевидение, где одним из тезисов было «засилье попов». Вацлав Леонович весьма скептически относился к проявлениям религиозности, тем более показным. Он был крещеным католиком, но никогда не соблюдал праздников, обрядов, не говоря уже о том, чтобы ходить в костёл. Это даже не обсуждалось. Хотя мать В.Л. Кретовича — Янина Фаддеевна (Тадеушевна) - была католичкой и соблюдала все обряды и праздники. Когда в 1949 году она умерла в Горьком (Нижем Новгороде), потребовалось специальное разрешение местного митрополита, чтобы похоронить её на православном кладбище. Дед часто вспоминал свои детские годы в Ялтинской гимназии, когда его выставляли за дверь с уроков Закона Божьего как иноверца. И он вынужден был дожидаться в коридоре, когда закончится этот урок. Дед всегда говорил: «С тех пор не люблю попов». Его любимой книгой оставались воспоминания Чарльза Дарвина о путешествии на корабле «Бигль». Поскольку первыми его наставниками в науке были такие люди как Тимирязев, Бах, Прянишников, Кизель, он, конечно, унаследовал от них материалистические традиции естествоиспытателей XIX века.

Воспоминания о дореволюционной России и особенно о Ялте я слышал постоянно. Любимым совместным чтением бабушки и деда (они оба родились в этом прекрасном южном городе) было чтение путеводителя по Ялте. Дед очень любил вспоминать, как выглядел царский кортеж при прибытии императора в Ливадию. По многу раз я слышал этот рассказ и сегодня словно слышу его голос: «Первым на иноходце ехал полицейский, татарин Мустафа с нагайкой в руке, во втором экипаже ехал градоначальник Ялты генерал Думбадзе. Затем ехали Николай Второй с Александрой, потом экипаж с царевнами и потом экипаж с наследником и его воспитателем матросом Деревянко». Помню, тогда меня даже раздражало это перечисление, услышанное в шестой, в восьмой раз, но сегодня я бы многое отдал, чтобы услышать его заново...

Дед прожил долгую жизнь, начавшуюся в царской империи и закончившуюся в России, провозгласившей себя демократической. Вся жизнь его прошла в советской России, которой он был лоялен, несмотря на то, что хорошо понимал её изъяны. Он был организованным человеком и считал, что следует соблюдать сложившийся порядок вещей. Внимательно следил за политикой, но участия в политической жизни сторонился. Этим,

кстати, он объяснял то, что ему — поляку — удалось выжить при советском режиме. Ангелом-хранителем деда в сталинские времена был академик Алексей Николаевич Бах — основатель Института биохимии и революционер-народоволец, которого Сталин не трогал. В архиве В.Л. сохранилась пожелтевшая бумажка, подписанная академиком Л.А.Орбели. Она датирована апрелем 1943 года. В это время академия наук СССР находилась в эвакуации в Казани, а дед с академиком Бахом пребывали во Фрунзе. В выписке сказано: слушали ходатайство академика А.Н.Баха об утверждении доктора биологических наук В.Л.Кретовича в должности заведующего лабораторией. Постановили: утвердить доктора биологических наук В.Л.Кретовича в должности заведующего лабораторией Биохимии Хлебопечения Института Биохимии Академии Наук СССР. (Сохранена орфография оригинала).

Во время Великой Отечественной войны и после неё в ряде районов нашей страны распространилось тяжелейшее заболевание «септическая ангина», поражавшее людей. Оно вызывалось употреблением в пищу зерна, перезимовавшего в поле под снегом. При этом в зерне развивался грибок. Лаборатория Кретовича была привлечена к расшифровке этиологии этого заболевания. В результате исследований были разработаны методы распознавания ядовитого зерна, исследованы его биохимические особенности и предложены способы использования зерна. Этим дед занимался во время войны. Человеком он был щепетильным и, учитывая, что сам на фронте не был, с подчеркнутым уважением относился к воевавшим ровесникам. Сам факт пребывания человека на фронте был в его глазах своего рода индульгенцией. Впрочем, и участники войны, окружавшие его, были людьми весьма достойными.

Я несколько раз спрашивал деда, что могло уберечь его, когда в 1938 году Сталин методично расправлялся с латышами и поляками. Он считал, что спасло его случайное стечение обстоятельств. Во время кампании по уничтожению поляков, которую организовал Сталин, дед был в командировке в Борисовском зерносовхозе Омской области, где проводились исследования по рациональным режимам сушки зерна. За ним приходили и даже один раз вызывали по повестке. Позже он явился, и, как часто рассказывал, к товарищу Кочеткову. В прокуренной комнате сидела большая группа чекистов. Дед спросил: «Кто здесь товарищ Кочетков?» Подошел человек, взял в руки повестку, прочитал и пригласил деда в соседнюю комнату. Там он ещё раз прочитал её, порвал и сказал: «Можете быть свободны, товарищ Кретович». Дед предполагал, что к тому времени, когда он вернулся из Омской области, план по полякам они уже выполнили.

Чувство опасности у него было развито чрезвычайно. Например, главное, что он старался внушить мне, когда я начал работать журналистом, так это «быть всегда осторожным». В начале 30-х он в какой-то момент своих визитов в организацию «Дом польский» в Москве, почувствовал, что

все эти собрания могут кончиться плохо и перестал туда ходить. Вскоре «Дом польский» разогнали.

Когда я оглядываюсь на свою судьбу с позиции зрелого человека, родившегося во второй половине XX века, то понимаю, насколько мне повезло, что у меня в принципе был дед. Что и в сталинские годы, и в мясорубке Второй мировой войны он выжил. Его и самого это удивляло. Я вспоминаю, как конце 80-х годов одна из ближайших подруг моей мамы Валентина Игнатьевна Стыврина, отца которой — латыша и коммуниста — расстреляли в 1938 году, пришла к нам с Лубянки, где ей показали дело отца. Дед лежал на диване и говорил: «Валя, Валя, как же они не тронули меня? Как же я спасся?».

В.И.Стыврина вспоминает, что, когда взяли её отца почти все соседи по подъезду и по коммунальной квартире «отвернулись от нас с матерью и только Вацлав Леонович с Анной Фёдоровной звали меня в гости, всячески приваживали и никогда не запрещали Марине общаться со мной». У большинства близких подруг моей мамы, Марины Вацлавовны Кретович, отцы были репрессированы в сталинские годы. Мне кажется то, что и мама, и бабушка с дедушкой, вовсе не чурались родственников репрессированных, не случайно. Кретовичи глубоко переживали судьбы безвинно погибших людей. В зените перестройки, в 1990 году В.Л. написал письмо президенту АН СССР Г.И.Марчуку с предложением «опубликовать в широкой печати список с биографиями всех погибших учёных и пополнять его, делая запросы в отделения Академии, с тем, чтобы ни одно имя не было забыто». Такая книжка вышла в издательстве «Наука» в 1995 году. Но еще в 1984 году В.Л.Кретович написал и опубликовал брошюру «Очерки по истории биохимии в СССР», где упоминает имена ученых, долго замалчивавшиеся из-за того, что люди эти были репрессированы.

За политикой Вацлав Леонович следил всегда очень внимательно. Он коллекционировал газеты и журналы, в которых без купюр говорилось о памятных исторических событиях. Там я прочитал доклад Хрущева XX съезду, открытое письмо Фёдора Расскольниковца Сталину. Именно из этого архива я впервые узнал имя генерала Власова, который к моему тогдашнему удивлению оказался героем битвы за Москву. У деда в этой коллекции складывались британские журналы «Picture Post», где были интереснейшие фотографии и карикатуры на Гитлера, Сталина, Черчилля. По тем временам крамола. История из этой коллекции представала не такой, какой её проходили в советской школе. Несомненно, существование этой коллекции повлияло на то, что я захотел стать журналистом — летописцем и свидетелем истории.

На моей памяти политика стала особенно задевать деда в конце 70-х — начале 80-х. Очень близко к сердцу он воспринял исламскую революцию в Иране. Для него казалось непостижимым, что в конце XX века к власти в крупнейшем государстве Востока приходят мракобесы средневекового

образца. Очень жалел иранского шаха, который казался ему цивилизованным правителем. Когда советские войска вошли в Афганистан, он переживал это как личную трагедию. События в Польше, появление движения «Солидарность» бурно обсуждались в нашем доме. Причем мама и дед занимали совершенно противоположные позиции. По всей видимости под влиянием газеты «Трибуна люду», органа ЦК ПОРП, он весьма критически воспринимал профсоюз «Солидарность». И из всех польских политиков того времени выделял главу римско-католической церкви Польши кардинала Стефана Вышиньского, который выступал в роли амортизатора между властями и оппозицией. Восхищался личностью кардинала Войтылы, когда тот в 1978 году стал папой римским Иоанном Павлом II. Позже дед рекомендовал мне написать диссертацию о роли костёла в политической жизни Польши.

Декабрь 1979 года был очень морозным. Мы отправились на дачу и не смогли там находиться даже на втором этаже, где всегда было тепло. В конце концов не выдержали, оделись потеплее, вышли на дорогу и остановили попутную черную «волгу». Водитель стал жаловаться, что на таком морозе новые «чайки» не могут ездить — только «волги», потому что у «чаек» застывает масло в их английских, автоматических коробках передач. В ту зиму помёрзло множество деревьев, яблонь. Наступали 80-е годы, которые несли с собой необратимые перемены.

Кстати о «чайках» и об отношениях В.Л.Кретовича с властью. Любопытно, что многие советские министры и заместители министров были его знакомыми (Елютин, Прокофьев, Егоров — МинВУЗ и Минпросвещение). Очень хорошо помню часто упоминавшееся им имя — Вольдемар Петрович Леин, министр пищевой промышленности СССР. Из советских начальников первой величины Вацлав Леонович вспоминал Микояна, который приглашал его к себе, чтобы проконсультироваться об организации реэкспорта зерна. Дед всегда говорил, что Микоян был самым умным человеком, которого ему доводилось встречать в жизни. «Умным в практическом смысле, конечно» — неизменно добавлял он. В.Л. иногда вспоминал, что в своей жизни знал двух глав государств, двух президентов. Одним из них был Николай Викторович Подгорный, занимавший должность председателя президиума Верховного совета СССР, а до того бывший ректором Московского пищевого института. Вторым — президент Израиля Эфраим Кацир (Качальский), известный биохимик, избранный в 70-е годы президентом еврейского государства. Дед оказался с ним на соседнем сиденье в экскурсионном автобусе на одном из международных биохимических конгрессов. Дед отмечал, что Кацир был очень симпатичным человеком, свободно владевшим как русским, так и польским языками.

Некоторые из советских начальников защищали диссертации (В.Л. был членом Высшей аттестационной комиссии); другие хотели пройти в Академию наук, третьи стремились получить Государственную или Ленинскую премию, а дед был членом Комитета по присуждению премий, и

поэтому нам время от времени звонили из высоких приемных с поздравлениями с праздниками или с юбилеями. Нормальные люди тоже поздравляли — приходили письма и открытки из заграницы — до сих пор в толстой папке с открытками у меня лежит письмо в виде пластинки из Японии. Открытки из Киргизии и Украины. От академика Дарканбаева из Алма-Аты и от Сергея Васильевича Дурмишидзе, вице-президента Грузинской академии. (Недавно я увидел портрет С.В. в роскошном альбоме «Вина Грузии» и вспомнил как любил дед виноделов и как много у нас в доме всегда было вина). В Ново-Дарьино бывали Жанна Васильевна Успенская, Роза Рафаиловна Токарева, Зинаида Гавриловна Евстигнеева, Валерий Романович Шатилов. Иногда приезжал знаменитый нейрохирург и обаятельнейший человек, лечивший мою маму, Габиб Абдуллаевич Габибов с сыном, ныне членом-корреспондентом РАН А.Г.Габибовым. На дачу и домой приезжали и звонили аспиранты: Гурам и Георгий из Грузии, Ахат из Ташкента, Овик из Еревана...

Но вернемся к министрам. Они присутствовали в нашей жизни и возбуждали мой детский интерес. Двух или трёх обитателей дачного посёлка Ново-Дарьино обслуживали служебные «чайки», которые полагались министрам СССР, заведующим отделами ЦК КПСС и вице-президентам Академии наук. В частности, одного из них, министра геологии СССР — был тогда и такой — обслуживала машина, номер которой я помню до сих пор 11-77 МОС. Хром и полировка этой «чайки» была хорошо видна со стороны нашего участка и завораживали моё воображение. Однажды я по наивности спросил: «Дедушка, а как становятся министрами?» Полученный ответ подкупал простотой и лаконичностью: «Очень просто — по рекомендации». Пожалуй, только сейчас я могу оценить точность этого ответа, который показывает глубокое понимание того, как функционировала советская (как, впрочем, и любая) система власти.

В Ново-Дарьино соседи состязались между собой в садоводстве и в красоте разводимых цветов. Этим дед увлекался по-настоящему. Он привёз из Швейцарии семена альпийских анемонов и посадил их возле специально найденных камней. В подарок от Александра Ивановича Опарина он получил чайные розы и примулы. В Голландии купил луковицы черных тюльпанов «Queen of the Night» — «Королева ночи». Потом их выкопали и украли, из-за чего дед очень огорчился. Теперь такие тюльпаны цветут на его могиле на Троекуровском кладбище. Розы были предметом его особой заботы. Ему присылали великолепные образцы этих благородных цветов из Алма-Аты и из Ботанического сада Академии наук. Одно из названий было очень красивым: «Утро Москвы». На даче он всегда держал под рукой секатор и садовый нож, чтобы подрезать дички на розах. Специальным мыльным раствором он и меня заставлял мазать листья роз, чтобы вывести всевозможных вредителей. Руки у него были в земле, чем он очень гордился. Он страшно разозлился на меня, когда я однажды отказался сажать тюльпаны из-за каких-то своих подростковых заскоков.

С миром живой природы он сосуществовал в полной гармонии. Стук дятла или вскрикивание сойки на даче воспринимал, как звуки музыки. Специально покупал сало, вешал его на крючке на крыльце дачи, чтобы наблюдать, как синички его клюют. Очень сокрушался, что в Подмоскowie исчезли пчёлы. Собаки и кошки любили его так же, как и он их. Например, на даче жил дикий кот, который ел только из его рук. Дед называл его Адик, «что значит Адиот», объяснял он. С собаками его симпатия была взаимной. Самые огромные псины, завидев деда, виляли хвостом и словно улыбались. Я вспоминаю это из-за того, что у меня отношения с собаками не складывались. То на меня набросится какой-нибудь сен-бернар, то за мягкое место тяпнет ирландский сеттер. Он говорил: «Это происходит из-за того, что ты боишься собак, а я их не боюсь».

Может показаться странным, но дед помогает мне до сих пор своим чувством юмора и анекдотами, которые я слышал от него. Жена одного из польских аспирантов В.Л. вспоминала, как он рассказывал анекдот, стоя на подножке отходящего поезда. Он коллекционировал письма, которые изобретатели и сумасшедшие писали в Институт биохимии. Сотрудники лаборатории Кретовича знали его любовь к цыганским песням и романсам. На 70-летний юбилей ему устроили капустник с цыганщиной. Доктора наук Василия Романова нарядили цыганом в платке и с серьгой в ухе. Под гитару сотрудники лаборатории пели множество стихотворных сочинений, стилизованных под романсы и припевы. Один из них все запомнили очень хорошо: «Если воздухом ты дышишь, знай, что в воздухе азот, лишь Кретовичу известен весь его круговорот».

1 апреля был у нас в доме подлинным праздником. До совсем старческого возраста дед звонил по телефону своим или бабушкиным друзьям, чтобы разыграть. То, что он иногда проделывал, на современном языке называли бы приколами. Например, на 1-ое апреля приглашал какого-нибудь известного академика в ЦК КПСС для консультаций, а потом сообщал, что за ним уже выслали машину. На вопрос, какую? Отвечал: мусорную. И вешал трубку. Однажды, уже после разоблачения культа личности, послал на 1-ое апреля своему приятелю, который терпеть не мог товарища Сталина, полное собрание сочинений указанного вождя. Как-то раз он позвонил на 1-ое апреля бабушкиной родственнице Наталье Иосифовне Катык. Позвонил и говорит: «Это товарищ Каймак?» А она отвечает: «Это ты, Вацек?». Он спрашивает: «Наташа, как ты меня узнала?» А она отвечает: «Просто в Москве не осталось никого, кроме тебя, кто помнит, как называлось кислое молоко у крымских татар».

Когда к нам пришли знакомиться родители моей бывшей жены, тёща — женщина хотя и добрая, оказалась страшно болтливой, просто спасения никакого не было. Тесть, работавший в молодости советским дипломатом в Ираке, стал рассказывать, как в те годы один араб просил его продать жену — розовощекую и весёлую. В конце вечера, когда гости собрались уходить, дед как бы невзначай заметил: «Зря вы её тогда не

продали». Конфуз был страшный. Анекдоты из репертуара армянского радио сыпались из него, как из рога изобилия. Любимейший был такой. У армянского радио спрашивают: где у нас в стране больше всего хлеба? Отвечаем: в котлетах. Другой: у армянского радио спрашивают, что нужно делать, чтобы иметь хорошую фигуру. Отвечаем: нужно крутить обруч. - А что делать, если обруч не налезает на фигуру? - Тогда не нужно портить такую хорошую фигуру. Рассказывалось это всё с артистизмом Ираклия Андроникова. Иногда шутки были на грани фола. Когда его спросили, что он сделал с портретом Берии, который требовалось вырезать из Большой советской энциклопедии и уничтожить, он не без удовольствия ответил: «Мы им подтёрлись».

Даже если судить по последнему упомянутому случаю, за словом дед в карман не лез, рубил, что называется сплеча, а иногда, особенно на старости лет, решения принимал под воздействием эмоций. Например, однажды он получил письмо из редакции журнала «Природа», где спрашивали «желаете ли вы в дальнейшем оставаться в составе редколлегии журнала?» Он немедленно ответил «Не желаю». Его почему-то возмутила сама постановка вопроса: желаете — не желаете... Что это значит? Я его отговаривал — мол, это чистая формальность, очередная перерегистрация, но он меня не стал слушать и потом признавался, что напрасно погорячился. Помню, его страшно раздражала критика в отношении Горбачева за недостаточную последовательность и неэффективность реформ. Он просто бросался с кулаками и едва ли не кричал: «Вы должны Горбачева в зад целовать за то, что он дал вам свободу!» Но, похоже, этическая сторона дела никого не волновала, не говоря уже о чувстве благодарности.

Перестройку он воспринял стоически и, как и все, поначалу с воодушевлением. Но постепенно все беды, выпавшие на долю людей науки после распада Советского Союза и прекращения государственного финансирования науки, его доконали. В быту дед был человеком неприхотливым, довольствовался малым. Его любимой едой была пшенная или гречневая каша, он почти не выпивал и не курил. Зато неизменно следил за качеством хлеба, продаваемого в магазинах. Считал, что вкуснее «бородинского» в мире нет. Советское шампанское называл великолепным примером достижений нашей пищевой промышленности и с неизменным почтением отзывался о профессоре А.М.Фролове-Багрееве, внедрившем у нас акратофорный способ производства шампанского. К деньгам относился философски — легко расставался с ними, когда они были. В конце жизни опасался остаться совсем без денег, особенно после того, как экономическая реформа «съела» все сбережения. Пойти к академическим властям и попросить какое-нибудь жизненное благо: новую квартиру, путевку в санаторий, было для него сущим наказанием.

Летним днём 1970-го или 71-го года мы собрались с дачи ехать купаться на Москва-реку, к тому самому мосту, с которого в конце 80-х упал будущий первый президент России. Стояли на автобусной остановке. Из

нашего дачного посёлка выезжала чёрная «волга» с антенной на крыше и жёлтыми противотуманными фарами, что свидетельствовало о принадлежности её пассажира к высшей прослойке советской номенклатуры. Я поднял руку и «волга» остановилась. Нас предложили подвести. На переднем сиденье сидел Леонид Фёдорович Ильичев — академик по специальности история КПСС — ещё недавно член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, поверженный с партийного олимпа и поставленный на должность заместителя министра иностранных дел СССР. В его прерогативу входили провальные переговоры с Китаем по урегулированию границы. Мы сели в машину. Ильичев оживленно беседовал со своей секретаршей и водителем. Дед не проронил ни слова. Когда мы вышли, он сказал: «Зачем ты поднял руку?». «А что такое?» — растерялся я. «Ты поставил меня в положение одалживающегося» — сказал дед. До сих пор я вспоминаю этот случай, как урок гордости, который преподал мне дед.

Могу припомнить единственный раз, когда дед воспользовался своими связями, да и то под сильным нажимом бабушки и мамы. Воспользовался для меня. Он пошёл к заместителю министра высшего образования попросить, чтобы меня перевели из Иняза имени Мориса Тореза в МГУ, на факультет журналистики. Было это в 1985 году, когда я вернулся из армии. Мы очень волновались, как всё пройдет, а деду даже не пришлось ничего говорить. Замминистра (Егоров) подписал прошение и тут же сдал его в свой секретариат. С тех пор за мной в университете шла бумага: переведен распоряжением МинВУЗа СССР. Дед очень гордился тем, что я, как и он — выпускник Московского университета.

Меня часто спрашивают, почему дед не уехал из России до того, как «завернули гайки», почему не остался на Западе позже, когда много путешествовал как один, так и в составе научных делегаций. Думаю, у него существовали устоявшиеся представления о том, что теперь назвали бы лояльностью советскому строю. Он считал Россию своим домом и своей родиной. На вопрос: не испытывал ли он дискриминации по национальному признаку в России, дед всегда отвечал отрицательно. Когда в 1990 году в Москву приехал первый некоммунистический польский премьер-министр Тадеуш Мазовецкий, дед получил приглашение на встречу с представителями советских поляков в посольстве Республики Польша. С удовольствием пошёл и сидел в первом ряду между Анатолием Собчаком и членом-корреспондентом АН СССР, географом Юрием Ильиничем. Играл инструментальный ансамбль «Капелла Виленьска» из Вильнюса, пели польские народные песни, выступали представители польских общин из Латвии, Казахстана. Кстати, после того, как стало невозможным выписывать польскую газету из Варшавы, дед подписался на «Курьер Виленьский», приходивший из Вильнюса. Этот город он, правда, всегда называл Вильно, равно как и Стамбул, естественно, Константинополем. На дореволюционный манер.

И всё же не следует думать, что в течение жизни возможности уехать у него не было. Возможность была и он от неё отказался. Вот как он пишет об этом в своих воспоминаниях: «В начале 1925 года мои родители решили, что мне лучше уехать учиться в Польшу, где жили мой дядя и доктор П.Ф.Бялокур. В июле я уехал. Нужно сказать, что поездка была очень неудачной, так как ни дядю, ни доктора Бялокура я не застал — они были в отпусках. Я поселился у нашей знакомой пани Мочульской в Варшаве. Должен сказать, что мне вообще там не понравилось, так как там была очень неприятная антисоветская атмосфера. Поэтому через неделю я решил возвращаться домой». Вывод, звучащий странно с позиций сегодняшнего дня. Может быть он имел ввиду антирусскую атмосферу. И всё же история предлагает нам много фактов, которые в одно время выглядят странно, а в другое вполне разумно.

Метания людей того времени описаны в «Тихом Доне», «Докторе Живаго», в книгах, к которым дед очень часто возвращался. Было много факторов, которые определяли поведение людей того времени в зависимости от их характеров, взглядов, привычек. Можно это назвать «желанием выжить», «инстинктом самосохранения», но было и другое — чувство родного дома. Таким домом для деда всегда был Крым. Здесь он работал наблюдателем на метеорологической станции на Ай-Петри, гидом по природным достопримечательностям Южного берега.

Он не испытывал никаких иллюзий в отношении советской власти. Первое знакомство с её коварством произошло в 20-е годы, когда Красная Армия вошла в Крым. Тогда по всей Ялте (дед это очень часто вспоминал) расклеивались листовки с таким текстом: «Офицеры Белой армии! Братоубийственная война закончена! Все, кто сдаст оружие добровольно будет помилован». Все, кто сдал оружие, были расстреляны на Ялтинском молу. Жители Ялты запомнили жестокость, но вслух вспоминали об этом редко. Тем не менее, вероломство красных не прошло незамеченным. И ничего хорошего от новой власти не ждали.

В середине 20-х Кретовичей раскулачили и выслали в город Великий Устюг. Тогда мать, Янина Фаддеевна, совершила поступок, в реальность которого до сих пор многие не верят. Она организовала побег. Мой дед в это время находился в Москве и, скрыв, что его родители лишены прав (тогда так поступали с раскулаченными), учился в МГУ. Побег удался. С помощью знакомого врача, по поддельной справке о месте жительства, удалось выправить новые документы. Семейство осело в Нижнем Новгороде, который тогда назывался Горький. Прадед поступил на работу на завод шампанских вин. Там они встретили войну. Прадед — Леон Ксаверьевич дорос от простого дегустатора до начальника цеха виноматериалов и стал популярным в городе человеком. Одна из горьковских старух Нюра Голованова, которая работала у Кретовичей в доме, и потом почти 40 лет следила за могилой Янины Фаддеевны, характеризовала её так: «Нина Фадевна больная гордая была. Зря не заговорится. А Леон Савельич такой

хороший человек — без него мы б в войну и не выжили бы...». По признанию старухи, она меняла вино, которая получала от прадеда на еду и белье.

О семье Кретовичей — родителей отца деда — было известно, что происходили они из деревни Свинно в Волынской области и в конце 19 века переехали в Крым. У матери деда (в девичестве Неймак, в другом правописании Нейман) было несколько братьев. Один — полковник русской армии. Как вспоминали его — человек крутого, резкого нрава. Он погиб во время революции. Другой окончил папскую академию в Риме и был монахом-иезуитом и даже имел должность прелата на Волыни. Как говорил Вацлав Леонович, в 1944 году его убили «то ли наши, то ли немцы». Остальные братья уехали в Аргентину и оказались разбросанными по белу свету подобно многим полякам. По рассказам, Янина Тадеушевна строго придерживалась католических порядков. Она рано вышла замуж, но была второй женой моего прадеда Леона Ксаверьевича. Своего первенца — Вацлава она родила в 16 лет. До революции в Ялте был костел и польская община, но говорить по-польски и изучать язык не разрешалось. Занятия проводились тайно. Вацлав Леонович учился в такой подпольной школе и очень хорошо знал польскую историю и литературу.

В 1992 году, когда он был избран Почетным доктором Познаньского университета имени Адама Мицкевича, в речи на церемонии вручения дед сказал, что Мицкевич всегда присутствовал в их доме. Это был уже третий диплом *Honoris Causa*, который получал В.Л. Первый был из Берлинского университета имени Гумбольдта, второй от Познанской сельхозакадемии. И всё же присвоение этого звания стало очень важным как признание его особых заслуг перед польской наукой. Это было своего рода компенсацией за то, что в силу бюрократических препон он так и не был избран иностранным членом Польской академии наук (ПАН). Со всей Польши съехались его знакомые, ученики. Из Варшавы приехал наш старый друг, бывший директор Института биохимии ПАН Казимеж Клечковский (Kazimierz Kleczkowski). Как называл его дед, Казимир Игнатьич. Причем всех В.Л. помнил в лицо и по именам. И всё время спрашивал: «А где Краузе? А где Касперек? А где Эдвард Галлес? (Edward Galles — в 70-е годы ректор Политехнического института в Лодзи) Скажите Эдварду Каминьскому (Edward Kaminski - профессор Познанской сельхозакадемии), чтобы пил меньше виски...».

Поляки буквально носили его на руках, потому что ходил дед уже неважно. Однако это не помешало ему в 85-летнем возрасте совершить авиаперелет до Варшавы. Его поездку оплатила организация, объединяющая зарубежных поляков — «Дом польский». Я поехал с ним. На мой билет деньги выделил один из польских богачей, бизнесмен и теннисист Войцех Фибак. Это получилась незабываемая поездка с великолепной церемонией вручения диплома. Деда одели в мантию почетного доктора. Промотором был профессор Рышард Шрамм — человек необыкновенного аристократизма

и чести. Особенно трогательно было видеть, что в Познани деда принимают как своего, как соотечественника. Жить ему оставалось меньше года.

С кончиной деда я потерял доброго советчика, человека, который всегда старался видеть в людях лучшее и поддерживать лучшее. Никогда не забуду, как он бежал за мной, когда я, выходя на улицу, был уже у лифта, и спрашивал, есть ли у меня деньги. Такого, конечно, в жизни у меня уже никогда не будет. По советским меркам дед зарабатывал довольно прилично, и его ученики до сих пор вспоминают, как, давая в долг, он потом порой забывал брать деньги обратно. В 1997 году, когда отмечалось его 90-летие, газета «Российские вести» писала: «В работе им двигало не тщеславие или стремление к деньгам и званиям, а то, что восхищает больше всего – страсть к труду, к поиску, неумение строить карьеру, идя по головам других, исключительное жизнелюбие и какое-то романтическое отношение к бытию».

П.Г.Черемушкин
2004.